

18+

ДЕТСТВО С НАМИ НАВСЕГДА

КСЕНИЯ ВЕСЛИНСКАЯ

Ксения Юрьевна Веслинская

Детство с нами навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942323

ISBN 9785449632135

Аннотация

Эта книга о том, что с появлением ребенка начинаешь замечать тонкое, важное, вечное и неожиданно становишься лучше. О том, что граница между детским и взрослым мирами весьма условна. О том, что с приходом малыша невольно возвращаешься в собственное детство и проживаешь его события заново. Интересна будет тем, кто ищет уютного тёплого чтения, кто хочет окунуться в мир детства, порадовать своего, как говорят психологи, «внутреннего ребёнка». Ведь в каждом из нас детство живёт всю жизнь.

Содержание

Предисловие	5
В начале было двое	11
У вас будет...	25
Привет, декрет!	26
Встреча	28
Чудо – смех	32
Интересно наблюдать...	34
С днём рождения, мама!	37
Праздник, который всегда со мной	38
Мемуары молодой мамы	40
Про истоки	40
Мама	40
Бабушка	43
Дедушка	45
Про детство и юность	49
Кого-то напоминает...	49
«О спорт, ты мир!» и всё такое	53
Бить или не бить?	55
Небальзаковский возраст	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Детство с нами навсегда

Ксения Юрьевна Веслинская

*Посвящается любимому сыну Артёму,
подарившему мне удивительное счастье быть
мамой.*

© Ксения Юрьевна Веслинская, 2019

ISBN 978-5-4496-3213-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь очень быстротечна, а память, к сожалению, коротка (канадские учёные даже выяснили, что со временем все наши детские воспоминания превращаются в туманные образы и эмоции). Я решила, что обидно будет потерять в потоке времени и событий драгоценные моменты, которые делают нас счастливыми сегодня. Так родилась эта книга: из записок в телефоне и заметок на тетрадных полях, из безоблачной радости и ощущения полёта, из отголосков тревожных бессонных ночей и чувства падения в бездну, из самой жизни, из самого материнского сердца.

Предисловие

«Все мы родом из детства», – просто и мудро заметил Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». С этой истиной не поспоришь: детство в значительной степени влияет на формирование нас сегодняшних, а события, пришедшие на этот период, воспринимаются особенно ярко, остро, эмоционально. Какие-то из них помогают поверить в любовь, добро, людей, в самих себя, служат трамплином для взлёта, раскрытия потенциала, укрепления характера, внутреннего стержня; какие-то – оставляют рубцы в виде комплексов, затаённой обиды, страха, заставляют закрыться, «выпустить иголки», заранее ожидать от людей и событий подвоха и встречать их с поднятым забралом. Неслучайно психотерапевты при первом же визите пациента начинают разговор издали – из детства. Что же у вас там было такого? А отношения с родителями как складывались?..

Может показаться, что детство – период сплошного веселья и беззаботности. Не нужно ходить на работу, кормить семью, решать сложные финансовые и бытовые вопросы. Бегай себе, пляши и развлекайся. Но если разобраться, именно в детстве человек совершает самую большую работу: познаёт устройство мира, в который пришёл. Именно на детство приходится наибольшее число кризисов (первого года, трёх, пяти с половиной, семи лет). Именно в детстве человек наи-

более зависим и незащищен. Именно в детстве «проигрываются» основные модели взаимодействия с социумом, усваиваются важнейшие понятия: «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло», «можно» и «нельзя»; приобретаются бесценные навыки реагирования на первые победы и поражения, первую несправедливость и конфликт, преодоления первых трудностей и неприятностей. Именно детство – время главных открытий, испытания себя и мира на прочность и на вкус.

Маленький ребёнок словно странник, попавший в огромный загадочный волшебный лес. Всё неизвестно, незнакомо, непонятно, но так интересно! Что это за шелест? О чём поют птицы? Вкусны ли плоды или ядовиты? Куда повернуть на развилке? Погладить животное, вступить с ним в схватку или бежать?..

Колоссальную роль для малыша в этот важный и сложный период «беззаботного детства» играет мудрый и чуткий взрослый – проводник в неизведанных дебрях, который держит за руку, подсказывает, объясняет, помогает протоптать тропинку к свету, а не сбиться с пути, не заблудиться в чаще, не сгинуть в пастях диких зверей.

И хоть взрослый к своим годам успел исходить лес вдоль и поперёк, знает, где лучше – прямо, а где – свернуть, как укрыться от дождя, развести огонь, какие животные дружелюбны, а какие – опасны, всё равно с появлением ребёнка он обязательно увидит лес в новом свете, откроет для себя заново. Какое чудо – роса поутру! Никогда не замечал... А здесь

коряга – я её всегда, не задумываясь, перешагивал, а малыш споткнулся и упал. Надо будет её убрать или научить детёныша через неё перебираться...

Этот путь бок о бок с маленьким существом длиною в несколько его первых лет жизни будет полон забот, тревог и волнений, сомнений, усталости, а порой и отчаяния. Этот путь длиною в несколько его первых лет жизни будет полон безоговорочного счастья, переполняющей душу радости, неизмеримой никакими земными мерками любви.

Природа мудра, она подсказывает ребёнку: «Следуй за своим взрослым», а взрослому: «Веди своего малыша». И тот, кто кажется сейчас неуклюжим и неразумным, благодаря тебе – мудрому, любящему, заботливому взрослому – в считанные годы станет ловким, смыслённым, самостоятельным. Не успеешь оглянуться, как он научится говорить на твоём языке, внимать твоим словам или поступать по-своему, ломать и созидать, доверять или не доверять чужакам, радоваться солнцу и ветру, определять опасность по звукам и следам, принимать решения и ошибаться, искать и находить выход, помогать, заботиться, любить. Лес перестанет быть для него таинственным, зловещим, пугающим. Он обоснуется в нём, научится добывать огонь и пищу, приручит диких зверей, построит дом, заведёт семью, родит себе подобных... Он станет таким, как ты. И... Совсем не таким. Ни на кого не похожим. Единственным в своём роде.

Удивительно, но даже спустя много лет он останется для

тебя ребёнком, которого совсем недавно, будто бы вчера, ты привёл в этот мир. Когда он будет смеяться своим особенным, неповторимым смехом, хоть уже и с морщинками у глаз, когда он будет хмуриться, сдвигая брови, дискутировать с тобой, размахивая руками, перед твоими глазами будут возникать картинки его детства, ситуаций, событий, прожитых вместе, когда он так же смеялся, хмурился, огорчался, спорил. Ведь он всё тот же, ведь он – «родом из детства». Хоть внешне уже и большой.

Да, его уже не нужно убаюкивать полночи, нося на руках, прижимая к груди, вглядываясь в темноту за окном и мечтающая положить наконец свою голову на подушку. Не нужно учить есть ложкой, отмывая потом всю кухню после не самых успешных попыток. Не нужно переживать вместе с ним каждый новый зуб, каждую ОРВИ и ряд непонятных состояний: что это поведение значит? а это нормально? на что жалуетесь? чем я могу помочь? Не нужно по двадцатому разу читать «Репку» и «Мойдодыра», отвечать на миллион «почему», лепить куличики и складывать кубики. Не нужно жить в состоянии неусыпного контроля: только бы не опрокинул, не проглотил, не ошпарился, не поранился, не свалился. Не нужно целовать ушибленные коленки, унимать слёзы горя из-за лопнувшего шарика, дипломатически разрешать конфликты титанов в песочнице. Не нужно украдкой рыдать от наступающего порой физического бессилия и эмоционального опустошения. Но... и умиляться каждой улыб-

ке, каждому новому слову, движению, умению, вместе радоваться солнечному зайчику на стене, запущенному по ручью бумажному кораблику, фонарикам на ёлке, солёным морским брызгам тоже, увы, не нужно.

Детство прошло. Казалось бы, безвозвратно.

И вместе с тем мудрость и таинство жизни в том, что оно никуда не девается, оно живёт в нас и то и дело напоминает о себе. И ты, и твой ребёнок помните о нём, бережёте его в себе долго-долго, до самой старости. Много раз в течение жизни возвращаетесь в детские годы, и каждый находит что-то своё: счастливые и грустные воспоминания, любимые, лучшие моменты, радости и печали, неразрешённые вопросы и лежащие на поверхности ответы. Потому что это время действительно особое, фундаментальное, незыблемое. Потому что детство с нами навсегда.

Эта книга о том, что время неделимо, а граница между детским и взрослым мирами весьма условна. О том, как с появлением ребёнка начинаешь замечать тонкое, важное, вечное и неожиданно становишься лучше. О том, что с приходом малыша невольно возвращаешься в собственное детство и проживаешь его события заново, переосмысливая, переоценивая, где-то лучше понимая родителей, а где-то давая себе зарок: «Вот так я не буду поступать ни-ког-да». Эта книга о том, что родители думают, что учат, воспитывают детей, а на самом деле всё наоборот. Это записки молодой мамы о том времени, которое больше никогда не повторится,

но будет жить в нас всегда. О первых годах жизни первенца.
О маленьком мальчике и огромной любви.

В начале было двое

В моей семье не было принято говорить о таких вещах, как любовь между мужчиной и женщиной: это слишком деликатная тема, слишком особое чувство. И, наблюдая за жизнью и отношениями самых близких людей, я, с одной стороны, видела своими глазами, что Великая любовь существует, а с другой – понимала, что чувство может оказаться эфемерным, иллюзорным и в какой-то момент рассыпаться, как карточный домик, сгореть дотла.

Мои бабушка и дедушка прожили в любви и согласии долгих 36 лет, прошли рука об руку сложнейшую и интереснейшую дорогу жизни, вырастили четверых детей и были бы вместе по сей день, если бы Бог не забрал дедушку на небеса так рано. Они никогда не кричали о своей любви во всеуслышание, но все мы понимали, что без огромного чувства их далеко не сахарная жизнь была бы невозможна.

Мои родители развелись, когда мне было шесть, и с тех пор я не видела, как живут мужчина и женщина, папа и мама, вместе. Здесь тема любви была закрыта раз и навсегда.

Я не хотела замуж и удивлялась подружкам, которые горели желанием встретить прекрасного принца и побежать с ним под венец. Зачем? Ведь женщина – хозяйка жизни. Она свободна, красива, умна, интересна, независима, желанна для толпы воздыхателей. Она сама может зарабатывать

деньги, выбирать наряды, книги и друзей, путешествовать и профессионально расти. А что такое муж? Свод правил и обязательств: это носи, это не носи, это купи, это не купи. Ну, и классические борщи, носки, бигуди... Скука. «Неужели об ЭТОМ может мечтать женщина?» – с ужасом думала я. Мне было семнадцать; я была умна, красива, и все моря мне были по колено.

Но встретиться с моим будущим мужем нам велела судьба, не иначе. Как выяснилось позднее, мы одновременно поступали в один вуз, на один факультет, в одну группу, но... На одном экзамене недобрали баллов и поступили в другой вуз, на другой факультет, в другую группу – одну и ту же. Хотя Москва, как известно, большая, и вузов здесь несколько сотен, да и годы выпуска из школы у нас разные: он окончил на год раньше и работал, а потом решил поступать, и получилось. Удачно получилось!

Помню своё первое впечатление о нём: «Какие безупречные кроссовки (как известно, ботинки мужчины – его визитная карточка)! И улыбка приятная». Как утверждает он, я ему понравилась с первого взгляда, но подойти к такой серьёзной и независимой не решался. В противовес моему деловому образу, он был панком с экстравагантной причёской, увлекался музыкой и играл на гитаре на лестницах в университете, собирая вокруг себя толпы девушек с томными взглядами. А девушек на гуманитарных специальностях, как водится, в разы больше, чем парней.

Я была старостой курса и в хороших отношениях со всеми, с ним мы тоже общались на приятельской волне. Всё изменилось 7-го января. Рождество. Второй курс. Его звонок: «Может, пойдём, погуляем?» На улице -25. Я отвечаю: «Пойдём».

Чтобы не мёрзнуть, мы поехали в торговый центр, бродили там и разговаривали много часов подряд, как давние друзья, хоть никогда до этого не общались ни о чём, кроме конспектов. Оказалось, у нас много общего, есть о чём поговорить и посмеяться. За антуражем бесшабашного юного панка я увидела жизнерадостного, душевного, обаятельного Геву. Мы как будто открыли друг на друга глаза: как говорится, искра пробежала.

Потом были ночи телефонных разговоров и сотни СМС: шуточных, ироничных, кокетливых. Были настоящие бумажные письма: длинные, искренние, проникновенные. Были прогулки за руку и первые цветы – одиночные розы, от которых мёрзла на морозе рука. Были мои стихи, которые вдруг неудержимо стали рождаться в голове. Были его песни, которые он исполнял под окном, приехав к моему пробуждению с другого конца города с гитарой. Были тайные переглядывания в университете, ведь никто, включая лучших друзей, и не подозревал о происходящем, и это нас особенно веселило. Было легко и прекрасно, но мы боялись спугнуть это удивительное чувство, потому скрывали ото всех, да и друг другу в нём не признавались. Через несколько месяцев ребята,

конечно, стали догадываться и задавать вопросы, но мы загадочно пожимали плечами, хотя ходили теперь везде только вместе, и наша энергетическая связь чувствовалась в воздухе.

Одна из его песен, посвящённых мне. Когда он исполнял её на своих концертах, глядя со сцены в мои глаза, я таяла, как мороженое в знойный полдень:

Мой дом с детства был открыт для друзей. Их всегда было много: и девочек, и мальчиков. Мама обожала их всех, и это было взаимно. Я познакомила маму с Гевой так же непринуждённо, как с остальными университетскими друзьями. Он стал у нас частым гостем, и все праздники мы отмечали вместе. Конечно, он очень маму стеснялся, да и она его немного смущалась. Это было не похоже на общение со всеми моими закадычными друзьями, и она начала понимать, что Гева не просто друг.

Я познакомилась с его родителями, и мы сразу понравились друг другу. Наши мамы одинаково трепетно относились к домашнему очагу, к приёму гостей и вкусным блюдам. Дома было тепло и уютно, а мама была не только замечательной хозяйкой, но и красавицей. Папа был весел и прост в общении – таким я и представляла себе папу (не имея такового в собственной семье): он водил нас в кафе, дарил билеты на разные развлечения, с ним всегда можно было поболтать по душам.

Летом мы с Гевой поехали в молодёжный лагерь на Чёр-

ное море. Это было прекрасное беззаботное время! Солнце, море, друзья, вечеринки, танцы до упаду, закаты и рассветы. Однажды мы просидели всю ночь в беседке на пляже, дожидаясь рассвета и дельфинов, приплывающих к берегу поутру, ели огромный арбуз, а вокруг бушевал ливень с грозой. Тогда он впервые заговорил о свадьбе. Конечно, я рассмеялась. Мы учились только на втором курсе, впереди была огромная жизнь, какой уж тут брак! Но он заявил, что беспокоиться не стоит: его выбор окончательный, и мы будем вместе всегда, ну, а поженимся не сегодня-завтра... Домой мы увозили шоколадный загар и диплом победителей конкурса «Лучшая пара лагеря».

Мы становились всё ближе и уже не представляли дня друг без друга. Ездили в гости, тратя на дорогу в метро по полтора часа в одну сторону. Засыпали с телефонами в руках и, проснувшись, снова набирали тот же номер. Кое-как досиживали до конца пар, чтобы взяться за руки и часами бродить по московским улицам куда глаза глядят, останавливаясь в кафешках на перекус.

Никто из друзей до конца не верил в реальность нашей пары. Слишком мы были контрастными и как будто из разных миров: такая разумная я и такой беззаботный он. А нам и не нужно было доказательств, мы просто улыбались в ответ. И постепенно все начали привыкать к тому, что где он, там я, а где я, там он.

Счастливых, неповторимых моментов у нас было великое

множество. Например, в первую годовщину отношений Гева приехал ко мне с сотней (!) маленьких свечей, разложил их на полу комнаты в форме огромного сердца и зажёл. Потрясающее зрелище! Правда, наутро стало ясно, что ковёр безнадежно испорчен воском, и пришлось его выбросить. Хорошо хоть, обошлось без пожара.

В другой раз я устроила ему обед по-армянски, предварительно изучив множество рецептов и приготовив из них самые сложные. Каково же было моё удивление, когда после шикарного застолья Гева похвалил мои труды, но признался, что совсем не разбирается в армянской кухне!

В свою очередь, зная, что я люблю суши, он пригласил меня в японский ресторан, где действовало правило: «Съешь, сколько сможешь». И мы объелись так, что следующие полгода обходили все эти роллы за версту.

Наша культурная жизнь пестрила выставками, музеями и театрами. Ещё Гева любил досконально изучить историю какого-нибудь из районов Москвы и пригласить меня туда на экскурсию, выступая моим гидом. А на мой день рождения купил нам билеты в «Большой» стоимостью в небольшую московскую зарплату (копил несколько месяцев).

Я тоже хотела устроить ему незабываемый день рождения и организовала нам прыжок с парашютом. До последнего держала затею в тайне, но в день икс мне перезвонили с извинениями: «Погода не лётная, давайте переносить». Пришлось мне раскрывать карты, чтобы согласовать с име-

нинником другую дату. Как он перепугался! Как ругал меня! Кричал, что я хочу лишить его жизни в столь юном возрасте! Я, конечно, хохотала над такой его реакцией, но сжалилась и прыжок отменила.

Однажды мы решили поехать на уикенд в Санкт-Петербург. Гева никогда не был в городе на Неве, а я была много раз и даже в летние каникулы жила там целый месяц. Был март и всего два дня, чтобы объять необъятное. Мы наметили себе программу и ходили в день по пятнадцать часов, выпитывая прекрасное. Вот только погода была к нам неласкова: таял снег, и лужи стояли по колено. Наши ботинки не просыхали ни на минуту, и ощущалось, будто ходишь по всей этой ледяной воде босиком. На ночь мы пытались ставить обувь на батарею, но отопление почему-то не работало. И утром мы снова залезали в свою напрочь вымерзшую обувь. На удивление никто тогда не заболел, но от одних воспоминаний о Питере становится зябко.

Как-то я была в гостях у Гевы и внезапно затемпературилась до 39 °С. Он уложил меня в кровать и всю ночь отпаивал морсом и жаропонижающим, менял холодные компрессы и мокрые пижамы. Он не сомкнул глаз, свернувшись рядом на коврик, и был мне как родная мать. В его глазах было столько любви, волнения, заботы, что даже сквозь жар и бред я поняла, что могу довериться ему по жизни, что он не подведёт.

Особо экстремальную ситуацию мы пережили на отды-

хе в Евпатории: узнали, что тут есть уникальные лечебные грязи и решили непременно их опробовать. Чтобы не мелочиться, намазались от макушки до пят и «лечились» так не меньше часа. От переизбытка сероводорода, который проник во все наши поры и клеточки, уже к вечеру нам стало очень плохо, буквально выворачивало наизнанку. Поднялась температура, мы только и успевали освобождать друг другу туалет. Позвонили в скорую, а там нас «обрадовали» тем, что это типичное отравление туристов лечебными грязями, и посоветовали средства от рвоты и диареи. Вот только за окном была глубокая ночь, все аптеки, кроме дежурной в нескольких километрах от нас, закрыты. Но делать нечего, необходимо было остановить этот кошмар, и через весь пустынный спящий город мы поплелись к спасительному оазису. Каждое движение давалось с муками, тело горело от жара и сводило судорогами; мы шли, казалось, вечность, но, к счастью, добрались и купили заветные лекарства. До дома доползали уже вместе с рассветом. На следующий день стало гораздо лучше, но к грязелечению мы, кажется, прибегнем не скоро...

Нам постоянно хотелось радовать друг друга и удивлять, благо фантазии хватало; всех наших подарочков «без повода» не перечесть. Я регулярно проводила по несколько часов в магазинах мужской одежды, чтобы выбрать для Гевы что-нибудь эдакое, ведь угадать с его вкусом было непросто. Если он простывал, мчалась к нему на другой конец Москвы

после учёбы и работы, чтобы вручить варенье и фрукты, посидеть рядом и подержать за руку.

Зная о моей одержимости плаванием, Гева подарил мне абонемент в «Олимпийский» да и сам приобщился к моему любимому виду спорта, а я обучила его технике и скорости. Ради меня он встал на ролики и коньки, хоть и чувствовал себя поначалу как корова на льду.

Наши отношения были практически безоблачными. На вопрос: «Ссоритесь ли вы?» – мы удивлённо пожимали плечами: «А зачем?» Обо всём мы могли договориться, понять друг друга, найти компромисс. Вот только вопрос со свадьбой оставался открытым, и тормозом в этом вопросе была я.

В нашу третью годовщину любви Гева приехал ко мне, и мы пошли гулять в парк. Было белым-бело, снежно-снежно и совершенно безлюдно. Небо сливалось с землёй, и казалось, мы погружены в молоко или облако: удивительные ощущения! Мы шли по новенькому воздушному снегу, и звук шагов тут же поглощался окружающей ватой. Мы были совсем одни и зачарованно любовались сказочным лесом. Вдруг Гева вынул откуда-то бархатную коробочку, как факир достаёт кролика из шляпы. У меня внутри всё замерло, кровь остановилась в венах. Он кое-как привёл свои чувства в видимый порядок и настойчиво спросил: «Ты выйдешь за меня?» Коробочка открылась, на меня смотрело прекрасное колечко, которому нельзя было отказать. И тут я

очнулась, захлопнула коробку и замахала руками: «Нет-нет-нет-нет! Я не могу! Это невозможно! Это слишком рано! Это не серьёзно! Не сейчас!..» Гева не сильно смутился, всё-таки он был со мной уже три года и каким-то образом всегда знал, как следует себя вести в разных моих состояниях. Мы пришли домой, немного отогрелись с мороза, и он ласково предложил: «Ну, хоть колечко примерь». Я надела, полюбовалась, глупо похихикала, испугалась, сняла, потом снова надела. «Красивое колечко и ничему не мешает!» – подумала я и стала носить.

Это был наш выпускной год, открывалась дорога в большую жизнь, идти по которой мы хотели только вместе. Нам вручили дипломы специалистов (мне – даже с отличием), а в качестве вишенки на торте – диплом «Лучшая пара» по результатам общего студенческого голосования.

За четыре года наших отношений мы здорово изменились внутренне: обоюдное влияние друг на друга не прошло бесследно. Гева повзрослел: стал ответственнее, рассудительнее, рациональнее, привык следовать своему слову и достигать целей. Он устроился на хорошую работу в большую зарубежную компанию и был увлечён своим делом. Я, в свою очередь, стала мягче, нежнее, научилась сглаживать углы, а не рубить сплеча, чаще проявлять женскую мудрость, не рассчитывать всегда и во всём только на себя.

Что и говорить, моя крепость пала. Я вынуждена была признаться самой себе, что с Гевой (и только с ним!) почув-

ствовала себя девочкой, девушкой и даже немножко женщиной. Поняла, что именно с ним могу быть сильной и слабой, весёлой и грустной, ослепительной светской дамой в платье и на шпильках и домашней Ксюшей в пижаме и носках с пандой; полной сил и энтузиазма активисткой и гриппующей разбитой калошей, распластавшейся на диване. Быть собой и становиться лучше день ото дня. Работать и готовить борщи, заниматься спортом и гладить рубашки, иметь личное пространство, время, увлечения и собираться на сто первую встречу с ним, как на первое свидание. Оказывается, это так просто и естественно! В горе и в радости. В толпе людей и один на один. В своём городе и в любой точке мира. В зной и в стужу. В ежедневной рутине и в захватывающих приключениях. Вместе и навсегда. Теперь-то я знаю, что такое любовь!

Гева пришёл к моей маме просить благословения, и мы устроили самую настоящую помолвку с шикарным столом, роскошными цветами, потрясающими тостами и даже новым колечком! Все плакали по очереди и вместе, обнимались и целовались. Вечер получился фантастический!

Потом мы подали заявление в загс и стали вместе с Гевинным папой объезжать рестораны Москвы, выбирая лучший. Приглашали гостей, покупали наряды, писали сценарий, согласовывали списки, утверждали мелочи. При всём при этом не ругались и не спорили, а только поддерживали и вдохновляли друг друга. Мы с подружками придумали хитроумный

выкуп невесты, который жених достойно выдержал не без помощи родственников и друзей. Свадьба получилась весёлой и молодёжной, нам удалось объединить публику разных национальностей, возрастов и традиций. Конечно, нервов, усилий и денег было потрачено много, но главная цель была достигнута – все остались довольны! А уж мы с Гевой и по-давно: спустя столько лет разговоров и бессмысленных колебаний мы стали мужем и женой.

Медовый месяц мы провели в Греции под ласковым сентябрьским солнцем. И даже здесь умудрились выиграть конкурс «Лучшая пара отеля» (кажется, это уже стало нашей маленькой традицией). Познакомились с замечательными ребятами-аниматорами из разных стран, много купались, загорали, дурачились и наслаждались друг другом.

Потом, как полагается, наступил быт. Но и здесь не возникло особых сложностей, мы были абсолютно взаимозаменяемы и всё делали вместе: вместе пропадали целыми днями на работе, вместе готовили, стирали, убিরали, принимали гостей. Интересно проводили выходные и отпуска, путешествовали. Жизнь кипела и была наполнена событиями, друзьями, делами, развлечениями. Но всё чаще мы стали задумываться о том, что наша любовь требует продолжения...

<p>Do it again</p> <p>So many times I've slept alone up in my bed And never dreamed about your eyes or touch of hand. You were so close, I've always thought you were a friend, But day by day it came so hard to understand.</p> <p>[Chorus] Cause when you love me And then you hate me, The way you hug me... I wish that you can do it again.</p> <p>So many time I've walked alone to paradise And never knew I so it all before in eyes. You were so close, you were my friend for any time, But day by day it came so hard to through you out of my mind.</p> <p>[Chorus] Cause when you love me And then you hate me, The way you hug me... I wish that you can do it again.</p>	<p>Делай это снова</p> <p>Как много раз я спал один в своей кровати И даже не мечтал о твоих глазах, о том, чтобы прикоснуться к твоей руке. Ты была так близко, я всегда думал, что ты мой друг, Но с каждым днём становилось всё сложнее разобраться в чувствах.</p> <p>[Припев] Потому что, когда ты меня любишь И даже когда ненавидишь, То, как ты обнимаешь меня... Я бы хотел, чтобы ты делала это снова и снова.</p> <p>Как много раз я бродил один в поисках рая И даже не понимал, что уже достиг его – он в твоих глазах. Ты была так близко, ты была моим другом на все времена, И с каждым днём становилось всё сложнее не думать о тебе.</p> <p>[Припев] Потому что, когда ты меня любишь И даже когда ненавидишь, То, как ты обнимаешь меня... Я бы хотел, чтобы ты делала это снова и снова.</p>
--	--

Одно из моих стихотворений ему:
*Нам капель подарила песню:
Золотые лучи, как струны!
Нам с тобой суждено вместе
По рассветам бродить лунным.
Улыбнёшься, посмотришь смело,
Ветер волосы пересчитает.
А проходим какое дело,
Что на солнце любовь не тает?*

*Наш отрезок – сплошная вечность,
Мы январь заполняем мартом,
Мы догоним друг друга по встречной
И отпразднуем финиш стартом!*

У вас будет...

...Мне двадцать шесть. Я лежу в кабинете женской консультации, доктор сосредоточенно водит аппаратом УЗИ по моему животу и наблюдает за изображением на экране. Вот уже двадцать минут она монотонно называет вслух какие-то цифры-параметры, а медсестра записывает их в карту. Я жадно вглядываюсь в лицо врача, пытаюсь прочесть ответ на животрепещущий вопрос: мальчик или девочка?! По большому счёту, это, конечно, неважно, ведь я буду рада любому результату, но женское любопытство, помноженное на гормоны, делает своё дело. Я практически не дышу, замерев в ожидании, когда же с губ женщины в халате слетит заветное слово. Наконец она убирает аппарат и, как ни в чём не бывало, садится обратно за стол, а мне велит одеваться.

– Малыш абсолютно здоров, вы свободны, приходите через месяц.

– Но... Но, доктор... – шепчу я в недоумении. – А малыш – это кто? Мальчик или девочка?..

– Мальчик у вас, – бесцветным голосом объявляет доктор. – Пригласите следующую по очереди.

Я закрываю дверь в кабинет УЗИ и в старую жизнь. Мальчик! У нас будет мальчик!

Привет, декрет!

Декрет удивил меня свалившейся как снег на голову свободой. Раньше мой день был расписан по минутам, даже на личный телефонный звонок приходилось выкраивать время. А тут хочешь – весь день гуляй. Хочешь – отправляйся бродить по магазинам, умиляться малюсеньким вещичкам, покупать ползунки и пинеточки. Хочешь – встречайся с друзьями, которых из-за плотного графика работы и командировок видела только по праздникам. Хочешь – спи до полудня (но у меня это ни разу не получилось, т. к. с пяти утра сна не было ни в одном глазу). В общем, ни в чём себе не отказывай!

Как ни смешно прозвучит, я вспомнила и заново полюбила свой дом, в котором появлялась в основном набегами и успевала только переночевать. Сделала ремонт в детской, купила новую мебель, освободила пространство от старых и ненужных вещей. Дом и все мы, его жители, с нетерпением готовились принять нового члена семьи в свои объятия.

Время текло непривычно медленно. В отличие от стремительного беличьего колеса с мелькающими друг за другом неделями и месяцами, в котором я привыкла вращаться, в декрете был отчётливо ощутим каждый день с его рассветом и закатом, ароматом трав и цветов, радугой после дождя и чириканьем птиц. Уж не знаю, было ли это вызвано гормо-

нальной сентиментальностью или фокус внимания так удачно сместился, но мне это всё определённо нравилось.

И вот наступила дата последнего приёма врача перед родами. Живот мой был таких внушительных размеров, что сама доктор с порога округлила глаза: «У вас двойня?!» «Вроде вы говорили про одного», – слегка растерялась я. С недоверием она перепроверила карту и констатировала: «Да... Один...» Затем сверилась с календарём и вынесла вердикт: «В понедельник вам нужно рожать!» И, наткнувшись на мой вопросительный взгляд, популярно разъяснила: «Да-да, ребёнок у вас большой, тянуть с родами опасно. Если не родите до понедельника, прибегнем к кесареву сечению». В задумчивости я вышла из кабинета и побрела домой. Дело было в пятницу, а предпосылок к родам не ощущалось никаких. До дня икс оставалось два дня...

Встреча

В понедельник я проснулась в привычные пять утра и почувствовала что-то необычное. «Схватки!» – сверкнула первая мысль. Я позавтракала, побродила по дому, зачем-то включила телевизор, который никогда не смотрю. На экране бодрая корреспондентка вела репортаж из коровника, где только что родился телёнок, и поздравляла маму-корову с этим событием. «Чего только не увидишь», – подумала я и переключила кнопку. Вторым оказался канал о животных, и, по счастливой случайности, прямо в эту минуту свинка разродилась шестерыми розовыми поросятами. Нужно ли говорить, что на третьем канале мама-кошка вылизывала новорождённых котят, а репортёр рапортовал о её самочувствии. Такая концентрация рожениц и их детей привела меня в замешательство, и я выключила телевизор.

Тем временем схватки усиливались, и около двух часов дня я позвонила в скорую. Через несколько минут приехал врач, и на машине с мигалками мы помчались в выбранный мной заранее роддом. Меня передали с рук на руки бригаде акушеров, сделали УЗИ, переодели в одноразовую ночнушку и проводили в отдельный белоснежный родблок. Все врачи и медсёстры были со мной так милы и учтивы, словно я прибыла не в больницу, а в пятизвёздочный отель.

«Да, роды по контракту – это класс!» – думала я, расплы-

ваясь в блаженной улыбке, насколько позволяли участвовавшие схватки. Поначалу они не доставляли особого дискомфорта, но чем дальше, тем более становились болезненными. Меня уложили на кровать, привязав к животу датчик измерения пульса ребёнка, но очень скоро я поняла, что находиться в положении лёжа – та ещё мука, попросила открепить от аппаратуры и дать мне возможность ходить. Медсестра вняла моей просьбе и, вставив в руку катетер (на всякий непредвиденный случай), позволила распоряжаться своим телом как угодно. С пяти вечера и вплоть до девяти в гордом одиночестве я ходила взад-вперёд по своему родблоку. Это позволяло хоть как-то заглушить нарастающую боль, отвлечься. За это время я досконально изучила каждую плиточку кафеля под ногами и на стенах, каждый проводок сложной аппаратуры, расположенной по периметру родблока, успела проследить за наступлением сумерек за окном и прослушать весь процесс появления на свет малыша в соседнем родблоке. Роды там были совместные (присутствовал отец), и гамма эмоций роженицы впечатляла яркостью и контрастами: от «Ааа! Ненавижу тебя! Как больно! Сейчас сойду!» до «Ой, любимый, посмотри, да у него же твой носик! Я счастлива! Я тебя люблю!».

Между тем я сама уже была на финишной прямой и на вопрос изредка заглядывающей медсестры об обезболивании мужественно отвечала отказом (хотя последний час уже плохо соображала, кто я и где). Собралась бригада докторов,

и главный врач возвестил: «Отлично! Рожает, как по учебнику! До полуночи точно разойдёмся спать!» Акушеры этой новости обрадовались, пригласили меня на родильное кресло, а сами сели вокруг поудобнее и завели непринуждённую беседу о посадке фиалок на даче. Мне тоже было интересно отвлечься от физиологии и послушать живой разговор, и между потугами я расширяла кругозор информацией о почвогрунте и фиалочных удобрениях.

В какой-то момент акушеры оживились: «О! А вот и он! Молодец, мамочка, готово!» И я увидела у них на руках Малыша! Он был такой голенький, такой беззащитный, кричал, махал ручками, дрыгал ножками. «Да он же настоящий!» – вдруг пронзило меня, словно стрелой! И срочно захотелось вскочить, подбежать, схватить его на руки, никогда не отпустить, никому не отдавать. Усталость как рукой сняло, изнурительного марафона длиной в десять часов словно не бывало. Главный врач оказался прав: мы чётко управились до полуночи, и бригада врачей ушла на заслуженный отдых, оставив меня с сопящим на груди свёртком.

А я в ту ночь не сомкнула глаз. Таинственный полумрак белоснежного родблока, благоухающая за окном весна, дыхание новой жизни у меня под боком, ворох мыслей, ураган чувств... Какой уж тут сон?! До самого рассвета я не могла насмотреться на малыша, надышаться его ароматом, послушаться его сопением и причмокиванием. Мы будто только-только знакомились и будто знали друг друга всегда. Ме-

ня переполняла такая нежность, какой я не испытывала доныне. Она накрывала с головой, заставляя плакать и смеяться одновременно, напевать от счастья и любить весь мир. Положа руку на сердце, могу назвать эти мгновения прекраснейшими в жизни.

На следующий день нас с малышом навестили родные и близкие. Умилению и восторгам не было предела. Новопечённый папа не скрывал слёз радости и держал сыночка на руках, как сокровище всех миров. Малыш серьёзнейшим образом изучал этого сентиментального мужчину, хмурил лоб, вопросительно поднимал бровки и от интеллектуального напряжения вскоре уснул. А мы с Гевой сели рядом с люлькой и, обнявшись, долго смотрели на спящего ангелочка. И нам, наивным, казалось: «Ну вот всё и свершилось! Мы вместе, втроем! Блаженство! Идиллия!» Но все самое интересное, конечно, было ещё впереди...

Чудо – смех

Я очень люблю, когда люди смеются от души, залившимся искренним смехом. Люблю эти морщинки возле глаз и смешные сборки на носу. Люблю, когда смеются дружной компанией или в одиночку в метро над забавной книжкой. Люблю, когда, не успев закончить фразу «А помнишь...», уже покатываются со смеху. Люблю, когда умеют посмеяться над собой. Люблю и помню смех каждого из своих друзей – он неповторим, как отпечатки пальцев.

Смех – это мелодия души, это тёплая волна, которая обнимает с головы до ног. К искреннему смеху невозможно остаться равнодушным. Смех превращает взрослого, серьёзного, важного человека в мальчишку или девчонку. Смех берётся из радости и порождает радость. Смех идёт от сердца к сердцу, минуя барьеры и недопонимания, чины и звания. Не говоря уже о продлении жизни и прочей пользе для здоровья.

Первый смех малыша был для меня абсолютной прелестью и полной неожиданностью: я не могла подумать, что можно так заливисто расхохотаться из-за... погремушки! Мы находились в комнате втроем: сынок (4 месяца), я и моя бабушка. Она вынула из комода с игрушками погремушку и просто потрясла у малыша над головой, чтобы заинтересовать. Реакция оказалась бурной: сын покатился со смеху

и не останавливался пару минут! Мы с бабушкой растаяли от умиления: смех был таким чистым и звонким, будто смеялась сама его душа! Бабушка перестала трясти игрушку – и малыш затих, снова встряхнула её – и снова захохотал! Но уже в следующий раз эта игра не вызвала у него таких эмоций. И с тех пор для веселья он находил самые разные и неожиданные поводы...

А у меня теперь появилась новая любовь – детский смех. По-моему, это то, ради чего стоит жить!

Интересно наблюдать...

Удивительно интересно наблюдать, как ребёнок интегрируется в наш многогранный взрослый мир. И происходит это невероятно быстро.

Вот он был частью меня, и никто не проявлял особого интереса к его чувствам и желаниям, поведению и режиму дня. В этот период в центре внимания – мама с её токсикозами, гормонами, эмоциональным и физическим самочувствием, ну и «миленьким животиком».

Хотя однажды нас с животиком даже чуть не усыновили. Я ехала в метро с внушительным подтверждением своего интересного положения, и со мной заговорил мужчина. Хорошо одетый, с хорошим парфюмом и приятной улыбкой, лет на пятнадцать старше:

– Девушка, а давайте вместе встречать Новый год?

– ...Чтооо?

Подумала, что в шуме транспорта и толпы явно услышала не то.

– Ну, Новый год – замечательный праздник, самый семейный! Отпразднуем вместе! Ведь как встретишь, так и проведёшь... И, вы знаете, я очень люблю детей!

– Извините, мне пора.

Выскочила на следующей же станции.

Потом малыш появился на свет. И сразу стал заметной ча-

стью общества. «Тише, ляля спит», – говорили мамы своим громогласным детям при виде нас с коляской. «Какой чудесный ангелок!» – говорили бабушки-соседки. «Носик папин, глазки мамыны (и далее по списку, с вариациями на тему)», – говорили родные и друзья.

А теперь он уже не ляля и не ангелок, а озорник и затейник. Те же бабушки-соседки спрашивают: «Кто это мне вчера по голове скакал?»; и уже я при виде мам с колясками говорю ему: «Тише, ляля спит».

Раньше он лежал в своей колыбельке, такой беззащитный и ароматный, и я целовала его нежнейшие ладошки и пяточки. А теперь он бежит этими самыми пяточками по головокружительной солнечной весне, и хохочет, и падает на эти самые ладошки.

Раньше он улыбался только мне, папе, ну, и некоторым приближенным особам, а теперь сам, без моего участия, заводит знакомства со всеми подряд. В возрасте 1 г. 2 мес. на пляже в Ницце сын подсел к четырёхлетнему итальянскому мальчику. Они говорили друг с другом каждый на своём языке, но тем не менее умудрились построить вполне себе мощную крепость. И верь потом легенде о Вавилонской башне.

Раньше друзья приходили ко мне (ну, и поумиляться маленькому человечку), теперь 90% времени они играют с ним; я только подаю чай. А вечером он сидит над ящиком с игрушками и пятнадцать минут перечисляет, кто ему что пода-

рил: «Надя – машину, Лёша – паровоз, Ариша – кису, Аня – овечку, Паша – конструктор...»

Раньше мы покупали ему одежду в отделе «Новорождённые» или хотя бы «Малыши», а теперь уверенно перешли в категорию «Мальчики». Весь гардероб, который остался от «тех времён», налезет разве что на его плюшевых мишек.

Мы встретили на улице мою первую учительницу, и сын благосклонно рассказал ей двустигшие, а она спросила: «Ого, я смотрю, вы уже в школу собираетесь!» «Как в школу? Он же только что родился!» – восклицаю я в ответ.

И ведь не прошло ещё даже двух лет, а это «тогда» и «теперь» уже так ощутимо. И так быстро летит это волшебное неповторимое время. И так часто хочется сказать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

С днём рождения, мама!

Сегодня я именинница, и с самого утра из всех телефонов и соцсетей сыплются поздравления. В приоритете стараюсь отвечать на звонки: телефоны-то не умолкают. Для мамы в декрете такое количество общения и внимания как порция свежего воздуха. Один разговор сменяет другой, и так уже полтора часа. Тем не менее не спускаю глаз с одиноко играющего ребёнка. За это время ребёнок уже сыт машинками, вертолётами, конструкторами и раскрасками. Ребёнку нужна мама. Он смотрит на меня с укором. Я смотрю извиняющимся взглядом и продолжаю болтать. Ребёнок пускается во все тяжкие. В мгновение ока он, как фокусник, вынимает откуда-то пачку майонеза и выдавливает её в папин ботинок. В ошеломлении я бегу за тряпками и пытаюсь устранить следы преступления. Тем временем в ход идёт катушка ниток: эмпирическим путём выясняется, что ниток хватает, чтобы опутать ножки всего, что есть в квартире. Жалобный вопль кота. Да, ножки кота тоже... Пока спасаю кота из паутины, слышу в другой комнате чавкающий звук. Бегу, но поздно. Мокрая швабра, которой я устраняла следы первого преступления, теперь отдыхает в родительской кровати, заботливо накрытая одеялом...

Я заканчиваю разговор, обнимаю ребёнка, мы идём играть вместе. Нас ждут великие дела.

Праздник, который всегда со мной

С тех пор, как себя помню, день рождения всегда был для меня поистине волшебным праздником. Даже волшебнее Нового года. Это чувство трепета и ожидания сформировалось благодаря хитрой маминой находке, которая делала праздник совершенно особенным. В ночь перед днём рождения она «на кошачьих лапках» пробиралась в детскую и оставляла у моей кровати подарок. Конечно, подарки всегда были чудесными и желанными, но остроту ощущениям придавал неразгаданный вопрос. Как ей удаётся делать это незаметно?!

Шли годы, и из несмышлёного ребёнка я превращалась в детектива. С присущей мне ответственностью я заводила будильник на середину ночи и со свойственным ребёнку желанием поспать отключала его при первом сигнале. Я раскладывала у порога комнаты целлофановые пакеты, чтобы наверняка услышать сквозь сон её шаги. Я договаривалась с младшим братом дежурить по очереди, но мы оба проваливали задание...

И что вы думаете? За 23 года ни одной осечки!

Уже несколько лет я просыпаюсь в этот день с чувством большой любви и светлой печали. Потому что Мамы нет. А, значит, не будет и шикарной коробки с огромным бантом, и воздушных шариков под потолком. Не будет её ласковых

глаз и даже телефонного звонка...

Но... будет моя прекрасная семья и мои любимые друзья, будет хохот и веселье, будет жизнь!

Я испытываю величайшую благодарность за то, что Мама подарила мне этот мир и этот праздник. Праздник, который всегда со мной.

Мемуары молодой мамы

Про истоки

Лирическое отступление: про главных людей в моей жизни – тех, без кого я себя не представляю, тех, без кого не стала бы самой собой, тех, кто подарил мне самое счастливое детство, полное света, добра и любви.

Мама

Самая прекрасная женщина на Земле – моя мама. Сегодня день её рождения. И день памяти. Ей исполнилось бы чуть больше пятидесяти. И мне никогда не отделаться от вопроса: «Почему так рано?» Но она успела так много, что кому-то не успеть и за сто лет.

Она дала мне жизнь и наполнила её бескрайней любовью. Стала моим наставником и другом, самой главной поддержкой на космическом, телепатическом уровне: эту связь я ощущаю всегда. Она подарила мне крылья и веру в себя: в детстве я вообще думала, что меня зовут Красавица, Умница или Солнышко, и недоумевала, когда другие взрослые называли просто по имени.

Она была воплощением женственности и красоты, муд-

рости и тонкости, эстетики и грации, порядочности и достоинства: Леди Совершенство, на которую можно смотреть и смотреть в восхищении, но, будучи реалистом, не надеяться найти и половину всего этого в себе.

Каждая из её граней сверкала и искрилась по-новому на протяжении жизни, и, кажется, никто с уверенностью не мог бы сказать, что знает её до конца. Её талантов было не счесть: от фантастических костюмов, которые она шила в ночи на швейной машинке для моих ролей в школьных спектаклях, до умопомрачительных пирогов с чем угодно, один аромат которых кружил голову всему подъезду. От хлесткой публицистики в «Огоньке» до глубокой научной работы со студентами. От выращивания десятка сортов роз до дизайна интерьеров.

Ей не было равных в душевности, чувстве юмора, умении вести хоть изысканный светский раут, хоть шумный детский праздник: наш дом вечно был полон гостей, больших и маленьких. А мои друзья прибегали к ней «на борщ» и «посекретничать», даже когда меня не было дома.

Она обладала какой-то удивительной женской магией, которую я, тогда ещё маленькая, не могла бы описать словами, но ощущала интуитивно. Мы отдыхали на пляже, и какой-то темпераментный «возрастной» мачо всё старался произвести на неё впечатление. Ей достаточно было просто строго приподнять бровь, чтобы пылкий ухажёр всё понял и исчез из поля зрения навсегда. Мужчины вообще преображались

с её появлением: продавцы на рынке совали в подарок целые пакеты лучших овощей и фруктов, а рабочие, которые делали в доме ремонт, переходили на высокопарный слог.

Она была для меня одновременно звездой недостижимой величины – МГУ, наука, журналистика, студенты – и самой близкой и родной, весёлой и простой подружкой, с которой можно болтать и смеяться обо всём на свете; не знаю больше мамы, которая бы любила ребёнка так чутко, так нежно. Я никогда не слышала от неё нудных назиданий, а кредит доверия ко всем моим решениям был огромным: «Доченька, ты такая умная, решай сама, у тебя всё получится». И получалось же. И меня в такие моменты распирало от гордости: «Это ж я сама!», а она улыбалась и гордилась вместе со мной хоть победой на соревнованиях, хоть поступлением в вуз.

Моя память хранит сотни крохотных и великих моментов счастья, которое я познала благодаря ей. Это то, что со мной навсегда. То, что греет в трудную минуту. То, что даёт силы идти вперёд и говорить самой себе: «Ты справишься». Это та самая бескрайняя любовь, заложенная, как фундамент, в детстве; она живёт во мне и от меня передаётся уже следующему поколению...

Спасибо тебе, Мама. Любимая. Неповторимая. Незабвенная.

Бабушка

Моя бабушка Клара Павловна Скопина всегда была для меня, да и для сотен других людей, человеком особым. Для кого – компасом, для кого – маяком, для кого – аккумулятором, когда свои силы иссякли, или батареей, у которой всегда можно погреться.

Жизнь ей досталась, мягко говоря, непростая. «Дитя войны», пережившее все тяготы военных лет, и тем не менее золотая медалистка, умница «по всем фронтам», гордость своего родного Свердловска.

Любовь к людям и жажда писать о них толкнули её на журнал. И журналистика захватила её душу и сердце.

Молодёжная газета «На смену!», оттуда – собкором в «Комсомольскую правду», сначала по Уралу, потом по Сибири, затем по Центрально-Чернозёмной зоне и впоследствии – в Москву. В городах и сёлах, на заводах и в «верхах» её ждали, чтобы рассказать, попросить, поделиться, потребовать. Люди приезжали домой в любое время дня и ночи: отдельного «офиса» для корпункта не было. А дома – четверо (!) детей, бесконечные борщи и бесконечные звонки из редакции: «Срочно! Где материал?!»

Ни тебе стиральной машины, ни памперсов, даже продукты зачастую достать неоткуда. Но была швейная машинка, и дети всегда были «с иголочки», была фанатичная любовь

к профессии – и материал всегда сдавался в срок, неважно, какой ценой. Какой там сон, какие выходные и отпуска!

Один случай стал для неё полной неожиданностью – к такому нельзя быть готовым – и настоящей проверкой на журналистскую прочность. 1 мая 1960 года в небе над Свердловском советские силы ПВО сбили американский самолёт-шпион, нагло вторгшийся в наше пространство в мирный праздничный день, Первомай. Случай беспрецедентный, наделавший много шума и, конечно, вошедший в историю. От удара ракеты самолёт разлетелся на части, но лётчик (Френсис Гэри Пауэрс) успел выпрыгнуть с парашютом и остался жив. Потом было следствие, наш гуманный суд и даже обмен американца на советского шпиона Рудольфа Абеля, задержанного в США...

Это всё потом. Но первым человеком в СССР и в мире, рассказавшим на страницах газеты об этом событии, стала К. П. Скопина. Чего ей это стоило и как всё было на самом деле, она описывает в своей последней книге «История одной диверсии» (2015 г.), вышедшей в свет одновременно с фильмом С. Спилберга «Шпионский мост».

А до этого, помимо собкорства, десятки книг о замечательных людях, героях нашего времени, очерки и расследования, руководство кафедрой журналистики ВКШ, пресс-службами крупных компаний, множество наград и заслуг: «Знак Почёта», «За доблестный труд», «За верное служение отечественной литературе»; лауреат премии Ленинского

комсомола, член Союза писателей, член Союза журналистов, «Золотое перо России» и др.

Сегодня она не только востребованный профессионал, но и бабушка шестерых внуков и прабабушка девяти правнуков. У нас дома по сей день собираются интереснейшие люди, и всех она встречает с неизменным радушием и гостеприимством.

Когда бывает трудно, такой жизненный пример мне очень помогает не раскиснуть, не опустить руки. Ведь я ни разу не слышала от неё: «Не смогу», «Не получится», «Как тяжело».

Пусть на нашу долю никогда не выпадут испытания того поколения, а со всем остальным мы справимся! Крепкого здоровья бабуле и долголетия!

Дедушка

Мой дедушка Сергей Васильевич Гуськов родился в 1923 году в подмосковной Коломне. С детства был жадным до книг и страстно любил спорт: преодолевал на простейших деревянных лыжах десятки километров по замёрзшей Оке, а летом легко её переплывал. В июне 1941 года с отличием окончил школу, но с мечтами о дальнейшем образовании суждено было как минимум повременить. Пришла война, и сразу после выпускного вечера дедушка ушёл защищать Родину.

В школьные годы он успел окончить аэроклуб, где научился управлять самолётом и первоклассно разбираться в его механизмах. На протяжении всей войны он нёс службу механика в авиации, готовил самолёты к бою, спасал их, когда немцы бомбили наши военные аэродромы, чудом остался жив. Только через два года после окончания войны был демобилизован.

Тогда, наконец, и дорвался до настоящей учёбы: с отличием окончил философский факультет МГУ им. Ломоносова. Одновременно работал комсоргом на Коломенском заводе, чтобы помогать большой семье.

Несмотря на ужасы войны, которая лишила дедушку юности и забрала друзей детства, его сердце не окаменело, не зачерствело. Он видел своё предназначение в том, чтобы служить людям, бороться за справедливость.

Сергей Васильевич стал известным журналистом и писателем. Работал в «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», «Советской России», был собкором в Европе, спецкором в КНР, в Сибири; членом Союза писателей СССР и России. Несколько книг с любовью и благодарностью он посвятил своим школьным товарищам и учителям, воспитавшим в молодых ребятах мужество и ответственность. Вообще преданность дружбе – лейтмотив его жизни. Рано оставшись без матери, он даже «выдал» младшую сестру замуж за лучшего друга: они были счастливы, пока смерть не разлучила их, воспитали детей и внуков.

В разгар своей московской журналистской карьеры дедушка встретил бабушку (тоже звезду «Комсомолки») и «всё понял». Это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь. Совершенно одержимые друг другом, они поставили на кон всё и махнули в Сибирь – строить новую жизнь. Верили, что справятся, и справились. И с суровой морозной Сибирью, и с бешеной профессией, и с четырьмя детьми. Они залезли на красноярские Столбы, сплавлялись по Енисею, ходили в глубокие леса. Они обогревали своей любовью и спасали силой правды сотни семей, сотни простых людей, от доярки до строителя. Для них не было чужих людей и чужих проблем.

Конечно, дедушка был эталоном мужчины. Сильный, бесстрашный, закалённый жизнью, пронизательный, как рентген, – рядом с ним невозможно было сфальшивить. И при этом любящий до умопомрачения, надёжный, весёлый и лёгкий на подъём. До самого конца.

Мне выпало счастье близко знать его до десяти лет. Мы были настоящими друзьями и единомышленниками. Он очень одобрял моё плавание и любовь к литературе, а ещё недевчачью некапризность. Ему я обязана умением складно излагать: мы играли в «Эрудит» с трёх моих лет и сочиняли на ходу стихи (по очереди по строчке). Благодаря его образу я уже в детские годы твёрдо решила, что мужчина – это сила, ум и благородство (и до сих пор не разуверилась). От него унаследовала несколько простых и важных

принципов: не изменять себе, дорожить любовью и дружбой, не иметь дело с подлецами и лицемерами, стараться быть полезной людям.

Помню, в День Победы мы всегда пели «Катюшу» под аккомпанемент его мандолины. Для маленькой меня это был очень торжественный момент, я просила повторить ещё и ещё, и дедушка, конечно, с радостью повторял, приговаривая в шутку: «Для хорошего человека чепухи не жалко!»

***

С. В. Гуськову было присвоено воинское звание капитана. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За трудовую доблесть», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Участнику Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» («XX лет Победы», «XXX лет Победы»), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» и др. Его помнит и чтит родная Коломна, выходят на связь с моей семьёй потомки героев его книг и очерков с благодарностью и поклоном за правду и открытое горячее сердце.

Про детство и юность

Что позволяло мне чувствовать себя самой счастливой на протяжении всех «нежных» лет жизни? Однозначно, любовь – обожали меня безгранично. И доверие, и поддержка в любом выбранном деле. А еще самостоятельность и ответственность, любимые друзья и любимый спорт – плавание. Обо всем понемногу...

Кого-то напоминает...

В детстве я была своенравной девчонкой. Переубедить меня, если я «так решила», было невозможно. Даже слова взрослых я просеивала сквозь мелкое сито собственного мироощущения и только тогда принимала решение: либо благосклонно соглашалась, либо категорично отрезала, так, что «пришить» обратно было уже нельзя.

Однажды, к примеру, мне вздумалось обзавестись чёлкой, как у Натальи Орейро. Однажды – это, как назло, накануне первого сентября первого класса. Я известила об этом маму, а она ответила, мол, да, доченька, в выходные что-нибудь придумаем. Я прикинула, что выходные – это примерно так же нескоро, как Новый год. Взяла из новенького пенала новенькие ножницы, взяла прядь волос из косы до пояса и махнула не глядя. Потрогала рукой: о, похоже на чёлку;

следы преступления засунула в батарею, чтоб не отсвечивали. Маме, конечно, сквозь смех и слёзы пришлось редактировать мою работу, но факт в том, что замысел мой удался.

На собеседовании при приёме в школу я коротко, но доходчиво изложила комиссии всю учебную программу первого класса (с чтением, письмом и задачами про яблоки), на что они, посоветовавшись, предложили брать меня сразу во второй. Пришлось объяснять им, как маленьким, что так не пойдет, ведь «человек должен пройти все ступени образования!».

С первой линейки началась моя взрослая самостоятельная жизнь (как я сама возомнила), и тут уж я максимально отодвинула от себя тёпленькую маменькину опеку. Ни разу за 11 лет она не сделала за меня уроки, не собрала ранец, не вмешалась в отношения с детьми или учителями, не навязала мнение, ничего не решила за меня.

Я выходила из дома в ненавистных шерстяных рейтузах и тут же в подъезде их снимала и засовывала в пакет со сменкой. Я сама решала, какие книги читать и какие мальчишки достойны нести мой портфель.

Я была круглой отличницей, но никогда не зубрила: времени на это не было. После учёбы – тренировки по плаванию, а ещё нужно погулять, по телефону поболтать, и дома постоянно толпились друзья. Весь этот круговорот создала исключительно я и сама следила за таймингом и нагрузками.

Плавание, кстати, тоже выбрала сама. После того, как чуть

не утонула в детском лагере на Чёрном море. Пришла в себя после искусственного дыхания и сразу решила: вернусь в Москву – и бегом в секцию.

Тренировкам и соревнованиям отводилось много времени, поэтому учить уроки нужно было в ускоренном темпе. В раздевалке бассейна, в троллейбусе или метро, в полудрёме при свете ночника. Но утром перед уроками я всегда щедро передавала готовенькую домашку в туалет для коллективного списывания.

Ко мне то и дело прикрепляли кого-нибудь для «шефствования»: то по русскому, то по истории, то по биологии. И я брала этого несчастного в оборот, точнее в свой круговорот. Он провожал меня на тренировку, а я объясняла по дороге параграфы. Он приходил ко мне вечером домой и мы варили макароны и обсуждали нигилизм Базарова.

Мама говорила, что ходить на мои родительские собрания – сплошное удовольствие. Там она узнавала обо мне больше, чем в домашних обрывочных разговорах на бегу между её работой и моими соревнованиями-друзьями-прогулками. Учителя не уставали благодарить её за воспитание чудесной дочери, которая не сходит с доски почёта и успевает на все олимпиады и соревнования.

Конечно, я совершала ошибки. Например, покрасила волосы в синий цвет, а краска оказалась «хороший цемент, не отмывается совсем». Пришлось покупать новую ванну. Или пошла домой с невысушенной головой после трениров-

ки в -20 и заработала гнойный отит. Или не разогрелась перед соревнованиями и попала на операционный стол со связками, с тех пор гордо ношу шрам под ключицей. Но эти ошибки – мои, кровные. Куда же без них?

Какой ценой давался взрослым мой решительный нрав, я, конечно, не задумывалась. Но дома периодически пахивало не только пирогами, но и корвалолом.

Наказаний у нас не существовало в принципе. Зато была идеология, традиции, ценности. С младых ногтей я усвоила, что такое любовь и дружба, добро и зло, хорошо и плохо. Не по книжкам, а глядя на свою семью, на то, как они живут и работают, дружат, устраивают праздники, спорят, поддерживают людей. Мы могли обсудить всё на свете, и мама во всех вопросах была моим единомышленником. Что и говорить, я прогуляла единственный урок в жизни, потому что она достала билеты на премьеру «Титаника» с обожаемым мной Ди Каприо! Подружки чуть не умерли от зависти, а я чуть не лопнула от гордости.

Я обожаю своё детство и прожила бы точно так же каждый его день. Мне всегда было искренне жаль тех детей, которых сквозь зубовой скрежет заставляли играть на скрипочке, и тех родителей, которые не спали ночей, пыхтя над сочинениями. Как показывает жизнь, ничего толкового из этого не вышло. Скрипочки давно заброшены на антресоли, детки-тридцатилетки продолжают хлебать мамин борщ, а измотанные вконец родители лелеют призрачную мечту о внуках.

Я смотрю на сына, ему ровно два. Каким он будет, какой характер унаследует, что ждёт его на крутых поворотах судьбы? Сложно сказать. Да и нужно ли? Я хочу, чтобы в него сквозь каждую клеточку проникала наша любовь. Я хочу, чтобы он видел нашу жизнь и учился, как по книгам. Я хочу быть примером. Я хочу дать ему быть собой. Я хочу не задушить гиперопекой, не сломать крылья, не навредить, не упустить что-то очень важное, уберечь от совсем серьёзных ошибок. Я хочу быть рядом, как только понадобится. Я хочу быть другом и немного наставником.

«Мам, волосы мешают, надо подстричь!» – говорит мне самостоятельно одетый (правда, задом наперёд и в разные носки) ребёнок. Кого-то он мне всё же напоминает...

«О спорт, ты мир!» и всё такое

Тренер по плаванию Марина Сергеевна всегда видела во мне борца.

В группе я была единственной девочкой: другие приходили, выдерживали не больше месяца, и сердобольные родители вызволяли их из «этого мучения». Мы действительно занимались неслабо, до темноты в глазах, и уходили на полу-согнутых.

Среди мальчишек у меня был второй результат по скорости, чем я регулярно их щёлкала по носу. А меня щёлкал по носу Вова, который всегда приходил первым (хоть бы

разок уступил, негодяй!). Мы с ним негласно соперничали за любовь тренера – ведь мы были его звёздами – да и просто между собой, ведь без этого спорт не спорт. Мы выступали на разнообразных соревнованиях, и для меня взять первое место среди девочек не было сверхзадачей, ведь Марина Сергеевна давно перестала сверять меня с женской таблицей. Зато на тренировках приходилось несладко: Вова был моей занозой и недостижимой планкой, и я дышала ему в затылок, не позволяя расслабляться.

Мы давно вышли из тридцати секунд на пятидесятиметровке, и тренер готовил нас к сдаче норматива КМС. Всё шло как надо, но в выходные перед заплывом я слегла с температурой 39, а Вова жутко потянул ногу, прыгая на роликах с трамплина. Сообщить об этом тренеру было смерти подобно. Накануне дня икс мы созвонились, как заговорщики, чтобы удостовериться в главном:

- Поедешь?
- Само собой! А ты?
- Спрашиваешь!

С утра я не пила жаропонижающее (будут проверять кровь), а он болеутоляющее. Пройти медкомиссию не составило труда, сложнее было сидеть на лавочке в ожидании старта и скрывать озноб под полотенцем. Тело ломало, в голову стреляло, хотелось только телепортироваться домой. Вова держал свою ногу под каким-то особым углом и тоже тяжело вздыхал.

Нас пригласили на старт на соседние дорожки и дали две попытки. 50 метров вольным стилем (кролем). Какие-то 50 метров. В первую попытку я вложила всю себя с потрохами, несколько раз задохнулась и просмотрела свою жизнь в ускоренной перемотке. Я выполнила КМС, но пришла позже Вовы. Теперь это было так неважно! Со счастливым видом я повернулась к Марине Сергеевне, ища одобрения.

Вместо одобрения её лицо выражало гнев и досаду. Постановленным зычным голосом она выкрикнула в сердцах: «Ксюша! Ну что ты как... ДЕВКА!»

Это была пощёчина. Хуже. Удар ниже пояса. Хуже. Оскорбление человеческого достоинства. Я ощутила на себе всю боль героини «Гусарской баллады» – она, боль, была невыносима.

Вторая попытка. Свисток, прыжок в воду, скандирующая трибуна, шум в голове, вдох, семь гребков, вдох, семь гребков, разворот и финишная прямая. Мы с Вовой коснулись бортика одновременно. Впервые в истории!

Я вышла из воды, как из рюмочной, шатаясь во все стороны. Марина Сергеевна пожала мне руку и хлопнула по одному месту. Это была высшая степень гордости за мой успех.

Бить или не бить?

В начальной школе я дружила с девочкой. У нас были общие интересы: куклы Барби, альбомы с наклейками, мульт-

тяшные песенки... Много ли в детстве надо, чтобы чувствовать, что вы «друзья навек»? Мы гуляли, обменивались игрушками, иногда ходили друг к другу в гости. Она была обычной девчонкой, ничем не отличающейся от других. Кроме одного обстоятельства: её бил папа.

Выяснилось это случайно, в раздевалке перед физкультурой. Она сняла плотные колготки, и, прежде чем натянула спортивные штаны, мы успели увидеть худенькие ноги в тёмно-сине-фиолетовых гематомах. Наверное, будь мы взрослыми людьми, отреагировали бы правильно (кому-то рассказали, пожаловались, забили тревогу), но нам было по семь лет, а семилетних детей синяками не удивишь: кто не падал, гоняясь друг за другом во дворе? Не прыгивал на ходу с качелей? Не лазил по деревьям? Не играл в мяч?.. В общем, мы проявили банальное детское любопытство: «Ого! Где это ты так?» Она ответила просто и естественно, без тени трагедии или страданий: «А, да это папа меня в выходные наказывал. Я в комнате заигралась, не сразу подошла к обеду». И сунула ноги в кроссовки и побежала как ни в чём не бывало в спортивный зал.

Семилетней мне сложно было связать воедино опоздание к обеденному столу, покрытые жуткими синяками ноги, причастность к этому папы (мои-то родители вообще развелись, и роль папы в семье я представляла смутно) и беспечность Вики по всем этим вопросам. Мы с девчонками не придали этой истории особого значения. На нашей ценностной

шкале между «очень хорошо» и «очень плохо» располагались известные и понятные вещи: от любимого дня рождения до нелюбимого зубного врача; и мы просто не представляли, где здесь должен помещаться папа, наказывающий дочь до синяков.

А у Вики на той же самой ценностной шкале папа и его наказания жили в области «нормально», ведь для неё это было привычным явлением. Дети вообще существа адаптивные, и, оказавшись в условиях, с которыми не каждый-то взрослый сумеет свыкнуться, они приспособливаются, умудряются находить, чему радоваться и как получать удовольствие в сложившихся обстоятельствах. Просто в детях заложено огромное желание жить. Жить, несмотря ни на что. А ещё – идти за «своим» взрослым, считать его царём и богом, а его поведение и поступки верными, учиться у него, брать пример, любить его, каким бы он ни был. Долгие годы пройдут, прежде чем ребёнок сможет посмотреть на своего взрослого критически; так уж задумала природа, чтобы отпрыск следовал за старшими сородичами и не отбилась раньше времени от стаи...

И время шло. И Вика росла и превратилась в девушку. Мы уже не были близкими подругами: мультяшки и куклы остались в детстве, а больше, как оказалось, нас ничего и не связывало. Методы воспитания в её семье оставались прежними, и Вика стала убегать из дома. Пить алкоголь и курить. Связываться с сомнительными компаниями. В четырёх-

надцать лет сделала аборт. В восемнадцать – родила от случайной связи. Каждый из многочисленных мужчин, с которыми она вступала в отношения, ища любви, бил её и унижал. Несколько раз она оказывалась в больнице (то с переломом носа, то с сотрясением мозга). Но даже не думала «бить тревогу» или обращаться в полицию по таким «мелочам». Ведь в её «системе координат» бить девочку, девушку, женщину – естественно и нормально.

И хоть мы давным-давно не были близки, мне, конечно, было за неё больно и хотелось для неё другой судьбы. Но, увы, путь воспитания, избранный её отцом, с малых лет искал её представления о любви, об отношениях мужчины и женщины. «Бьёт – значит любит» стало девизом всех её недолгих романов. Ведь в каждом, кто вёл себя с ней агрессивно, она видела отца, который именно так проявлял свою любовь и заботу о её благопристойном воспитании. Неудивительно, что через такое кривое зеркало Вика видела мир и выбирала себе соответствующих спутников жизни, а достойные мужчины просто не попадали в её фокус внимания.

И это только один из многочисленных примеров детей, покалеченных таким родительским «воспитанием» – девочка, чью судьбу я могла наблюдать своими глазами. А есть и такие, кого физические наказания делают озлобленными и заставляют мстить: отыгрываться потом на собственных детях, женах, животных – на тех, кто заведомо слабее. И те, кто после долгих лет таких ненормальных, болезненных от-

ношений с самыми близкими людьми больше никогда не могут доверять людям. Избегают душевной близости. Ждут подвоха. Интерпретируют даже самые добрые человеческие проявления как лесть или корысть. Категорически не верят, что к ним можно хорошо относиться «просто так». Что их можно любить. Без унижений, без ультиматумов, без манипуляций.

Безусловно, есть и те, кто, подчиняясь «стокгольмскому синдрому», потом оправдывают и даже поддерживают родителей в их методах воспитания, аргументируя это тем, что «выросли нормальными людьми». И без всякой задней мысли принимаются воспитывать собственных детей по аналогичному сценарию, продлевая цепочку насилия на поколение вперед...

Одна из моих любимых писательниц Астрид Линдгрэн в 1978 году на вручении самой престижной в Германии премии книготорговцев произнесла речь, обращенную против насилия над детьми. Она говорила, что мир во всем мире никогда не наступит, пока дети будут расти в атмосфере насилия: те, кого лупили в детстве, вырастут и обязательно дадут сдачи.

Речь вызвала в обществе огромный скандал, ведь во времена Линдгрэн физические наказания ещё считались обычным делом. Но уже в следующем, 1979, году в Швеции был принят закон о запрете физических наказаний для детей в школе и дома.

«Пожалеешь розгу – испортишь ребёнка», – написано в Ветхом Завете. С тех пор этому следовали многие поколения отцов и матерей. Они старательно махали розгами и называли это любовью. Но стоит всё же выяснить, каким было детство по-настоящему «испорченных детей», которых сегодня так много на земле, – диктаторов, тиранов, угнетателей, мучителей. Думаю, у многих из них мы обнаружим отца-тирана или другого воспитателя с хворостиной или палкой в руке» (А. Линдгрэн)

Я считаю физические наказания преступлением против детей, заведомо беспомощных, не способных дать отпор. Им нет оправданий. В них нет никакого воспитательного смысла. Они – самый простой путь добиться от ребёнка подчинения. Но какой ценой...

Есть расхожее выражение: «Как бы вы ни воспитывали своих детей, когда они вырастут, им всё равно будет что рассказать своему психологу». Даже если это и так, ни один ребёнок не заслуживает такого унижительного, разрушающего в человеке личность обращения. Жизнь и так непростая штука, и для ребёнка так важно знать, что, независимо от обстоятельств, у него есть островок любви и безопасности, надёжная команда любящих взрослых, которые всегда за него. И вспоминать их, когда вырастет, он должен не с содроганием и презрением, а с теплом и благодарностью.

Растить человека – большой труд и большая ответственность. Быть ему достойным примером, поддерживать словом

и делом, объяснять, прислушиваться, помогать исправлять ошибки и преодолевать трудности, «болеть» за его успех, быть тылом – ежедневная работа души, которая куда сложнее, чем работа кулаками и ремнём. Но именно она приносит ни с чем не сравнимые дивиденды: помогает растить счастливую гармоничную личность, формировать между детьми и родителями настоящее доверие, искреннюю привязанность и безусловную любовь.

Небальзаковский возраст

У нас с Ним сложные отношения. Мы не подходим друг другу, ну и живём в основном раздельно. Я не считаюсь с Ним, а он со мной. То и дело не выдерживаем, напоминаем друг другу о себе, пытаемся начать сначала, но надолго нас не хватает. Снова разбегаемся в разные стороны и стараемся вести себя как ни в чём не бывало до следующей острой ситуации.

Особенно усложняют отношения третьи лица, когда пытаются нас помирить, расспрашивают друг о друге, принимают сторону одного или другого. Задевают за живое, короче.

Он – это мой Возраст.

Вот, к примеру, у меня день рождения. В ожидании гостей захожу в супермаркет за бутылкой шампанского. На кассе женщина-продавец. Женщина! Казалось бы, не о чем волноваться, солидарность и все дела. Но нет. Она пристально

смотрит на меня и напоминает о Нём. «Покажите паспорт, пожалуйста». Эх ты, тоже мне женщина... Стараюсь отвечать с подчёркнутым достоинством: «У меня нет с собой паспорта, но мне 25 лет. Разве не видно? И ещё у меня день рождения». «Рада за вас. Извините, но без паспорта не могу». Бутылка исчезает в её ловких руках, и я ухожу ни с чем.

На работе мы успешно завершили большой проект, и в качестве поощрения я пригласила команду в ресторан это отметить. Потеряв бдительность и забыв о Нём в чудесной компании, я попросила девушку-официанта принести нам шампанское. Не тут-то было. Она смерила меня взглядом и с максимально любезной ехидностью ответила: «Конечно. Будьте любезны, ваш паспорт». «Ай-ай-ай, как некрасиво, и ты на Его стороне», – только и успела подумать я, а коллега уже за меня вступилась: «Это наш руководитель! Ей 25 лет». «Да! Они подтвердят!» – вышла из ступора я. Возраст опять поставил мне подножку, и шампанское в итоге было заказано на моих «взрослых» коллег.

«Ничему её жизнь не учит», – скажете вы и будете правы. Отдыхая с мужем в Монако, я оставила Возраст в прошлом, а паспорт в отеле. Мы не могли обойти вниманием казино Монте-Карло, но сорвать куш мне было не суждено. «Your passport please. 18+ only». На этот раз в мои отношения с Возрастом вмешался мужчина. Иностранец. Казалось бы, взрослый, выдавший виды, но заверения, что мне 26, не сработали. Недоверчивый народ мужчины, негибкий.

Я мать, у ребёнка впервые жар. Ничем не сбивается, только нарастает. Врач скорой говорит: «Беги за водкой, будем растирать». Забыв о Возрасте, в кроссовках на босу ногу залетаю в ближайший магазин и прошу по-человечески: «Дайте мне водку какую-нибудь». Натыкаюсь на презрительный женский взгляд и ответ: «Нет уж, девочка, приходи с родителями». И так в трёх магазинах в округе. Хоть ты тресни. Какие же консервативные люди: без штампа в паспорте уже и взрослых отношений быть не может.

На днях мы с сыном пришли к бабушке в гости, а она ждала своего врача. Врач приступил к опросу прямо с порога:

– А чей это ребёнок?

– Мой.

– В смысле? Твой брат?

– Нет, сын.

– А тебе самой-то сколько? 18, поди? Вот рожаете в таком возрасте, думаете, что парня удержать ребёнком получится. Да ничего подобного! У них же ещё ветер в голове. Уйдёт всё равно, если ещё не ушёл.

– Вообще мне 28, и я замужем.

– ...Ну какие тебе 28? Посмотри на себя! И где тогда твой муж?

– В командировке.

– Ооо, понятно, билет в один конец, да? Малыш, скажи, где твой папа?

– Улетел на самолёте далеко-далеко! Вжиу-вжиу-вжиу!

– Ооо, понятно, и ребёнку эту легенду рассказали уже. А ещё можно про папу-космонавта. Или геолога...

Бабушка выступила моим адвокатом и подтвердила, что у нас с Возрастом всё серьёзно, просто мы предпочитаем не афишировать наши отношения. Врач извинился за бестактность и даже перешёл на «вы». Всё-таки с матерью и замужней дамой дело имеет как-никак.

В Италии на экскурсии я разговорилась с русскими девочками-старшекласницами. А они возьми и предложи: «Пойди с нами вечером на дискотеку в кэмп! Там до 18 лет пускают, скажем, что ты наша подруга, с итальянскими мальчиками познакомим! Там ещё аквапарк и мороженое бесплатно! Круто будет!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.